

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0030.01.01

Шакаров Семён

31 октября 2011

Таре #1

- Здравствуйте!
- Здравствуйте!
- Назовите, пожалуйста, Ваши имя и фамилию.
- Ну, по фамилии я – Шакаров Семён Фёдорович.
- Какого года рождения?
- 1924 года рождения.
- Где Вы родились?
- Я родился в Белоруссии, Гомельская область, Рогачёвский район, село Журавичи.
- Журавичи.
- Скажите, пожалуйста, вот мы на этот раз приехали, чтобы заснять Ваши воспоминания, потому что раньше Вы рассказывали моим коллегам о том, что Вы наблюдали за время Второй мировой войны. В 41-м году где Вы находились?
- Значит, 14 августа 1941 года наш Рогачёвский район был оккупирован немецко-фашистскими захватчиками. В нашем местечке проживало 1450 человек, более половины проживали евреи.
- То есть, Вы всё ещё жили в Журавичах тогда, в начале войны?
- Да, в начале войны я ещё, уже развернул подпольную работу против немецко-фашистских захватчиков. Я был секретарь комсомольской организации – боевая комсомольская организация. Мы были вооружены, у нас 27 комсомольцев: 15 юношей и 13 девушек. Мы

были вооружены, у нас на вооружении были армейские винтовки, самозарядные винтовки Токарева, 3 пулемёта ДП, Дегтярева пехотные, диски, гранаты были, взрывчатка была – всё для того, чтобы взрывать эшелоны, уничтожать немецко-фашистских захватчиков.

- Можно, пожалуйста, узнать: вот из всех этих евреев, которые проживали в вашем селе, они в Журавичах проживали, верно я поняла?
- Да,
- Вы кого-то помните по имени, по фамилии?
- Ну, так, кое-кого, канешне, помню. Многие, как началась война, более так бедные, бедные, так сказать, у евреев было много детей – по 5, по 6, по 7, у некоторых – 8, у них много детей было, вот таким образом, так многие уехали. Уехали из Журавичей на Гомель и на Москву, и за Волгу туда – на Урал - эвакуировались, как правило, бедные. А вот богатые евреи - у них, видимо, видимо, и золото было, там, и то, и другое, понимаете. Они почему-то думали, что, может быть, фронт остановится, может быть, Красная армия погонит немцев назад, поэтому большинство – где-то около двухсот евреев – остались и уже находились на оккупированной территории.
- А в школе, когда Вы ходили в школу, Вы учились с кем-то из детей из еврейских семей?
- У нас была средняя школа. Ну, продолжительное время, где-то до 32-го-33-го года была и еврейская школа.
- Отдельная?
- Отдельная. Была отдельная еврейская школа, отдельная русская, белорусская школа. А потом, где-то, по-моему, в 33-м-34-м году, почему-то еврейскую школу закрыли. И была даже еврейская

церковь, понимаете, своя. И у нас за церковью, там поляки, и был костел даже для поляков, вот. Ну, осталось и, это, около двухсот евреев осталось на территории, вот, Журавич. Ну, они жили и в других сёлах, жили в Хатовне, жили на Искане, Обидовичи, Полевичи, ну, там поменьше, может быть, 2-3- семьи так были и остались, а вот в Журавичах побольше было. Журавичи называлось местечко, местечко – это как маленький город,

- Да, да.
- Местечко, понимаете, еврейское, в основном. Они занимались торговлей, у них были, значить, промышленные предприятия были, значить, мельницы были, сукно валили, и ткани делали, и значить, ведра делали, и чугуны там выплавляли.
- Но это разве в советские времена?
- Была хорошо развита промышленность.
- Как бы, в советские времена? Вы говорите о том, что у них мельницы.
- Ну, это, значить, и в царское время, и вот до оккупации это всё практически продолжалось. У них была очень хорошо развита торговля. Магазинов было где-то, может, более 50-ти магазинов. У каждого еврея была своя лаука, своя. Кто торговал там, гвозди продавал, кто, значить, продавал селедку, кто, там, колбасу, понимаете, кто-то – молочные продукты, вот. Торговля была очень хорошо развита.
- Вы помните хоть какие-то имена, вот, одноклассников или людей...
- Ну, вот Вы сказали... У нас, допустим, я учился в 9-м классе, у нас было 42 человека. Так вот, 25 – были евреи – Моцкин, там, Гинзбург, Авербах, понимаете, значить, и другие, так сказать. Мы дружили, у нас никакой вражды абсолютно не было. Мы дружили, мы жили, понимаете, и никто и не посягал на евреев, мы с уважением

относились. Мой отец очень дружил вот с Билькой, Билька – был такой еврей. Он был председателем райпотребсоюза. Это, значит, такой заготовительный пункт, они у населения, значить, закупали скот, яйцо, там, сало, мясо и привозили сюда, в Гомель, уже на облпотребсоюз – тут база была, областная база, понимаете. Очень дружно мы жили с ними, очень даже дружно, понимаете, никаких никогда конфликтов. Вот, когда, еврейская Пасха на 2 недели раньше, они пекут мацу, мацу пекут, понимаете. И тогда, вот, мой отец едет, а они будут целую торбу этой мацы, кошёлку целую мацы наложат, – «Вот давай, Федька, Федька, давай, своим деткам, понимаешь, Федька, вот, на, мацу, понимаешь, Федька, давай-ка вот, выпьем за еврейскую Пасху», по 100, по 200 грамм выпьют там, потом поют песни – еврейские песни, белорусские, русские поют, значит, такое братание было, понимаете.

- А после того, как немцы пришли на эту территорию, Вы видели, что случилось с евреями?
- Да, безусловно, конечно, это на наших глазах, вот. Они, немцы, дали команду, там у нас был панский такой дом - «Прогресс», - дали команду собраться там в этом «Прогрессе». Вот эти человек 200 собрались туда.
- А это было буквально с первых же дней после того, как немцы зашли или же чуть позже?
- Нет, пожалуй, потому что уже в ноябре начался расстрел, 6 ноября, вот. Буквально, где-то уже в сентябре месяце их туда, им дали команду, они очень послушно всё выполняли, всё, что немцы говорили, они всё послушно выполняли, они же не думали, что они будут их расстреливать.
- Им просто сказали собираться там?

- Да, собраться там. Там была столовая, кухня, там они варили, питались – всё, как положено, вот. А уже 6 ноября это, началось, начался массовый расстрел евреев не только в Журавичах, в Киеве, в Рогачёве. В Рогачёве расстреляли более 3 000 евреев, потому что Рогачёв был быстро оккупирован - немцы быстро пришли в Рогачёв. Уже в Минск, в Минске очень много. Они ещё не сумели эвакуироваться, евреи. В Минске на 4-й день уже немецкие войска были, в Минске, а в Бобруйске – где-то на 6-й, а Бобруйск – это ж центр еврейской нации. Даже они хотели, чтобы сделать еврейскую республику с центром или Бобруйск, или в Крыму, где-то ещё, понимаете, на Украине где-то какой-то город тоже, понимаете, вот, хотели, понимаете, чтоб была еврейская республика, понимаете. Ну вот, началась оккупация, они в Журавичах, в частности, вот этих всех евреев, и деток и всех, собрали.
- А там охранялось в этом панском доме, где, Вы говорите? Их собрали, и потом держали под охраной?
- Дааа, под охраной, обязательно. Кругом огородили проволокой, колючей проволокой. Вход туда был запрещен, и выход оттуда был запрещён.
- То есть, они сразу загородили?
- Ну, единственное, что, мы могли. Мы носили, белорусы, им продовольствие. Вот мать мне засушит сухарей, масло, там, мясо, сало - в торбу, я бегу там через проволоку, а это ж мои друзья, мы с ними учились вместе, я им отдаю. Вот, подкармливали мы, белорусы, кормили их.
- А Вам разрешали подходить близко к этой проволоке?

- Ну, знаете, днем так где-то далеко на вышке, мы могли с другого боку подойти, с третьего. Ну, особо немцы не уничтожали тот, кто помогал, кто проносил продукты.
- То есть, там немцы охраняли.
- Немцы охраняли, ну, и полицейские были.
- Полицейские тоже?
- Полицейские свои, ну, вот, свои комсомольцы, свои полицейские они, «Пожалуйста, носите, всё давайте, кормите евреев», понимаете.
- Вы говорите, что немцы на вышке. То есть, там соорудили вышки тоже?
- Ну да, были 2 вышки так где-то с одного конца, с другого конца были вышки. Ну, они особо так.. В основном, ночью, так, залазили туда на вышки, вот. А днём, так, особо так, полицейские, в основном патрулировали, вот таким образом.
- А сколько примерно охраны было, это не помните?
- Ну, полицейских, там было, может, человек 5-7, вот так вот, понимаете. Там у полицейских был свой дом, своя казарма была, там же где-то с десятков немцев было, вот. А немцы там что... Пили, вот, песни пели, играли на гармошке.
- То есть, этот десяток немцев не патрулировали тоже постоянно?
- Ну, они так, в основном, ночью просматривали, ночью. Ночью выходили, понимаете, чтобы там особо, чтобы не уходили. Слазили, вот. Но, тем не менее, тем не менее, уходили, ну, и возвращались, потому что был строгий учёт. Каждое утро их там строили и пересчитывали пофамильно - сколько детей, какие, как зовут детей, понимаете, ну, они не думали, что ждёт их расстрел, не думали. Евреи не думали. Думали, что, может быть, вдруг Красная Армия вновь

отобьёт немцев, придет Красная Армия, ждали уж больно Красную Армию, понимаете...

- Когда Вы сказали, что уходили, возвращались, Вы имеете в виду, что они как в село выходили и что-то делали и потом обратно в гетто возвращались или как?
- Это, евреи или кто?
- Да, да, да. Вы про них?
- Евреи... Ну, безусловно, канешне, им разрешали, там, ну, разрешали им там, они же забрали туда свои швейные машинки, они там шили, обслуживали себя, понимаете, так сказать, детей, шили им костюмы, шили им там платья всякие. Такая какая-то небольшая кооперация промышленная была. Разрешали им, понимаете. Чем-то они были заняты.
- А заходить...
- Чтобы не отвлекали от... не думали, что их будут расстреливать.
- А как бы других, не евреев, разрешали им заходить внутрь, на территорию гетто, или нет?
- Другим, да?
- Да. Ну, там, белорусам...
- Нет, особо не разрешали. Ну, так, к проволоке можно было подойти, передать продовольствие, там, или какие-то, может быть, товары, может, они попросили, там, какой-то товар принести, приносили, отдавали, понимаете, так. Полицейские, так, хлопцы свои были, комсомольцы, так, коммунисты.
- А как это? Почему они – комсомольцы – оказались в полицейских?
- Ну, дело в том, что, ну, ну, думали, что будет вечная оккупация немцев, понимаете, не думали, что вот Красная Армия отобьёт и вот, немцев прогонит, понимаете, ну, прямо, знаете, давали разрядку на

село, вот, двух политстарост, в селе староста. «Вот, тебе, староста, давай мне, 3-4, понимаешь, полицейских». И староста ведет. Желавших было... было полицейское управление, начальником это полиции был всего села, значит, капитан Семенчиков Иосиф Васильевич, тоже, в прошлом – коммунист, понимаете. Поэтому мы очень... делали всё возможное. Не голодали евреи, чтобы были накормлены. Несли, у нас так район такой сравнительно богатый, колхозы хорошо, так сказать, жили, и за трудодни платили, так сказать, довольно-таки много зерна и картошки, и даже мясо давали, вот таким образом, поэтому... А это ж свои, мы же как, у нас же даже многие белорусы женились на еврейках, понимаете. Евреи брали белорусок. Ну, этих мы уже, они уже скрывались, мы уже в сёлах их уже, понимаете, скрывались, они уже так и жили, понимаете, до прихода Красной Армии

- То есть, Вы хотите сказать, что евреи из таких семей не брали в гетто, они остались в сёлах?
- Ну, понимаете, мы их скрывали, мы их не допускали, не говорили, что они – евреи. И старались где-то в селе там, держать где-то там в лесу...
- А Вы помните про какие-то там конкретные случаи? Вот, известно Вам какие-нибудь такие семьи?
- Ну, я знаю, что вот Гинзбург, так сказать, он окончил 10 классов и на своей однокласснице, вот, Галина Филипченко, женился. Потом они жили в Канаве, это близко от Журавич, в Канаве... Ну, и потом, она его сохранила, потом он в партизаны пошёл, понимаете.
- А, то есть, вот такая пара, они учились с Вами в школе?
- В одной школе они учились, любили друг друга, понимаете, и потом они поженились, свадьба была.

- До войны? Да?
- Да. До войны, до войны, да.
- Да, да, да.
- Поэтому, мы их сохранили, а потом они пошли все, почти все, в партизаны.
- И этот Гинзбург, он просто оставался у себя дома или у кого-то он скрывался?
- Нет, он уже был у невесты, у невесты. Он был уже в другом селе.
- То есть, у её родителей, Вы имеете в виду или у кого, у родных?
- У её, её родителей, да. У её родителей, там, где, вот, она жила, и он там был, понимаете, вот, таким образом. Ну, а потом уже, когда началось массовое партизанское движение: массово началось где-то с осени 42-го года - к нам в Журавичи прибыл отряд партизанский небольшой из Москвы, они пешком шли от Москвы через Витебск, Магилёу и прибыли к нам в Рогачёвский район. У нас там небольшая группа была партизан – человек где-то 45 – и сразу развернулся отряд уже, 250-300, а потом же к марту, к марту 43-го года уже развернулась бригада – 10-я Журавичская партизанская бригада – более 3-х тысяч – это ж гроза, это же, это дивизия! И тут уже немцам очень туго было. Мы взрывали эшалоны, взрывали и гарнизоны...
- Можно до, до этого, спросить, вот, что было? Вы говорили, что их сначала закрыли в гетто, этих евреев. Что потом с ними случилось?
- А потом, значить, 6-го ноября, началось массовый расстрел. Они их заранее там, были вырыты такие ямы большие, они их, значить, сажали в машину...
- А где эти ямы были вырыты?
- Ну, а это там, где больница, там лес такой, в лесу там ямы были за больницей, от этого место где-то километра полтора – 2 примерно.

- Это за Журавичами было?
- Это за Журавичами, да, за Журавичами. Они что делали? Они, значить, машины такие крытые, они выхлопные газы эти запускали, значить, суда вот, значить, под этот тент, понимаете, и, пока их везут, они отравлялись они уходили из жизни. Они приходили, их вооружали, и потом, очередное, где-то дня 3, за 4 они всех этих газом отравили, а кто ещё шевелился, там ,они их добивали – стреляли с автомата.
- Это Вам известно со слов других? Или Вы лично видели?
- Как? А, да, конечно, это я даже лично был. Мы видели, как они их грузили, мы подходили, ну немцы...
- Вы видели, как их грузили ещё в гетто в машины или, как выгружали?
- И как грузили, потом любопытствовали, пошли туда, понимаете, посмотрели их прямо.
- Когда грузили, сколько машин было? Вот там, возле гетто?
- Ну так, примерно пару машин, 2 машины: так, 1 поедет – разгрузит, приезжает, это, уезжает, вот так вот, понимаете. Ну, туда, в машину, человек, наверно, по 15, по 20, так вот...
- Их туда они загоняли...
- Приезжали, и так где-то дня 2-3. А потом закопали...
- А, как известно Вам, что именно, как газами этими выхлопными их пытались как отравить или отравляли? Откуда Вы про это знаете?
- Ну, потому что стрельбы не было слышно, понимаете. Уже там, уже когда некоторые ещё отходили, видимо, хватали воздух чистый, немножко отходили, дык они прямо там с пулемёта, с автомата стреляли, там добивали их.
- От места гетто до места, где эта яма находилась, примерно какое расстояние?

- От какого места?
- От гетто.
- От гетто и до, я ж говорю, около 2-х километров.
- Около 2-х километров.
- Да. Ямы были большие, ямы глубиной, наверно, ну не знаю, метра 3-4. Такие глубокие ямы. Даже...
- А по диаметру?
- Даже есть предположения, что даже евреи копали эти ямы.
- То есть, Вы не знаете точно?
- Они их брали отсюда, под ружьё, туда вели, они копали где-то неделю, может, больше, понимаете, выкапывали эти 2 ямы.
- Вы видели, когда евреев вели туда, в эту сторону, с инструментами?
- Да, я видел, когда их в машину...так, лесенки такие, они туда забирались. Они ж не знали, куда они едут.
- Ага.
- Не говорили, они не знали, куда они едут.
- И Вы сразу, как бы, пошли за машинами, тогда же, или потом, попозже немножко, подошли к яме?
- Ну, мы, значит, полюбопытствовали, уже так смотрели, куда машины - побежали, мы так догадались, что это, понимаете, уже такое, кровавое дело...
- И пошли туда в тот же самый день, когда эти машины видели?
- Да, мы раза 2-3, а потом видели, как уже, там, уже местные закапывали их, понимаете, даже ещё шевеление там было, понимаете, даже крик там был...
- В смысле, раза 2-3 Вы ходили туда?
- Да, раза 2-3 ходили, так.
- И...

- Специально, так сказать. Ну, так близко особо не походили, ну, видели так, знаете, лес там, за деревья смотрели, потом, когда машина уходила, мы подходили, они там...
- С какого расс...
- Мы, канешне, плакали...
- А с какого расстояния примерно Вы всё это наблюдали?
- Ну, мы прямо вот так, яма вот так, подходили, видели там Моцкин, там Гинзбургов много было, там Пеузнер, прочие, машут рукой, машут...
- То есть, Вы даже узнали кого-то?
- Конечно!
- Да? И вот там Моцкин был и Гинзбурги?
- Да, там и детки маленькие были, и 2 годика, и беременные были там, всякие, понимаете, были... Ну, там щас памятник стоит, памятник сделали, и все перечислены пофамильно, все вот 10 человек. Гранитный камень... Все абсолютно указаны. Вот даже и я зря и не взял книгу, я б Вам даже... надо было взять книгу, есть книга «Память Рогачёвского района», и кто погиб из евреев в Журавичах перечислены все, вот этот Моцкин там, Гинзбург, Пеузнер, понимаете, такие, такие-то...
- Ну, Вы говорите, что кто-то машет рукой. Оттуда, из ямы махали рукой?
- Да, да! Да.
- Потому что они были ещё живы?
- Они ещё живы были, канешне.
- Но...

- Некоторые даже отошли уже, воздух чистый, понимаете, они отошли, они стреляли... Ну, а потом землёй закопали, даже слышно было ещё...
- А как их из машин вытаскивали, Вы видели это?
- Ну они, значить, вот так вот, вот так яма, вот так узел, а там немцы залазили - немцы и полицейские – залазили и их выбрасывали.
- Сразу в яму выбрасывали?
- Сразу в яму прямо вот, машина, вот так вот яма, вот
- Возле ямы?
- Вот так машина вот так вот стоит, и они их вот так выбрасывали, понимаете.
- И там были только полицейские или немцы тоже были?
- Ну, выбрасывали полицейские, в основном, ну, было 1-2 там, немцы были обязательно. Под контролем немцев, они контролировали.
- А сколько полицейских было?
- Ну, полицейских, там... Они там на легковой машине приезжали. Ну, человека 3-4 полицейских и человека 2-3 немцев, понимаете.
- И потом, кто из них стрелял? Потому что Вы говорили...
- Ну, стреляли немцы.
- Немцы стреляли.
- Только немцы. Полицейские не стреляли. Полицейские...
- А каких размеров были ямы?
- Ну, ямы в глубину, наверно...
- Да, Вы говорили, что где-то...
- Ну, метра 2-3.
- А по ширине?
- В ширину... Ну, вот так, они такие вот, вот так вот, как половина комнаты.

- Как половина комнаты?
- Да.
- Я не знаю, сколько, метра 3-4?
- Ну, метра где-то 2 с половиной, метра на 4, вот такие ямы. Вот такие были. 2 ямы были выкопаны.
- 2 ямы?
- 2 ямы.
- После того, вот, как... Вы говорите, что видели также, как уже эти ямы накрывали?
- Да, потом местное население немцы пригнали, человек с лопатами, человек где-то 10, может, 12, понимаете, с лопатами, и они ямы...
- Из Вашего местечка?
- Да. И ямы, ещё так, метра полтора, может быть, не были заполнены. Метра полтора, вот так вот.
- Вы видели, когда закапывали, когда уже накрывали?
- Да, уже, когда закапывали. Ну, мы так, смотрели, а потом, когда они ушли, мы пришли, даже ещё кое-кто там звуки ещё издавал.
- А что за звуки были?
- Ну, кричали: «Ой, ой, ой, ой», вот так вот, такие: «Ой, ой, ой, ой», понимаете, вот такие вот звуки были. Ну, а потом, после войны, канешне, многие вернулись в Журавичи
- Из эвакуации?
- Там вот эти... Да, уже, когда Красная Армия пришла.
- А из тех, которых были заключены?
- Многие, многие сбежали, между прочим, к своим знакомым. Там у нас местность такая лесная. Сёла такие лесные, кругом леса. И потом они в партизанах, евреи очень храбро сражались в партизанах.

Подрывники были, понимаете, они десятки эшалонау этих пускали под откос.

- Вы помните какие-то фамилии и имена тех евреев, которым удалось спастись, и которые прятались у кого-то?
- Ну, вот, я ж сказал, Шапира вот ещё был вот, я помню.
- Шапира?
- Шапира, да. Фамилия распространённая. В Израиле прокурор – Шапира. Мой друг вот здесь, в Гомеле, жил Шапира. А щас он поехал в Израиль, щас по-моему в Италии он где-то. Когда-то письма писал.
- Этот человек – Шапира – он как спасся?
- Ну, он к своему другу туда побежал, понимаете. Друг его укрыв, спас, а потом, когда началось уже партизанское движение, он пошёл в партизаны.
- А как друга звали, Вы не знаете?
- А?
- Друга как звали?
- Друга – Асюлеу Аркадий, Асюлеу Аркадий.
- Аркадий.
- Да, Аркадий.
- Он...
- Они вместе учились, вместе учились. Асюлеу Аркадий. К большому сожалению, вот недели 3 назад он пармёр. Ну, старый уже, знаете. 24-го года, уже 87 гадоу, понимаете. Я его похоронил, это друг, мы с ним в партизанах были. Вот таким образом. Это не только, много было, бежало много молодых таких, крепких хлопцау, евреи сбежали, в сёлах, вот, перезимовали, а потом уже ж партизанское движение началось.

- Можно ещё уточнить? Вот Вы сказали, что, как бы, расстрелы начались 6 ноября. Откуда такая точность? Как получилось, что...
- А, ну дак, я помню это, потому что 7 ноября – ноябрьские праздники.
- Ага.
- А мы это помнили, праздники мы помнили эти, понимаете, помнили.
- То есть, Вы просто помните, что именно накануне праздников.
- Дело в том, что Гитлер дал команду вот перед ноябрьскими праздниками начать истребление евреев. Вы ж знаете, что он у Киеве где-то, в Рогачёве где-то около 3-х тысяч были... Потом... При чём, 2000 ж много. Как-то закопали и не полностью, весной Днепр разлился, эти трупы все поднялись.
- Это Вам известно от других людей или Вы лично видели?
- Ну, это мне уже рассказывали рогачёвские там, рогачёвские жители.
- Которые сами видели эти трупы?
- Да, конечно, там. Там здорово не аккуратно, понимаешь, так их, знаете, ямки там были такие, не особо...
- А Вы помните, кто именно рассказывал Вам?
- Кто рассказываю? Ну, я ж там местный, понимаешь, да это частые такие разговоры были. Кстати, это даже, я не знал, надо было взять книгу «Память», там всё это написано, всё это написано в книге «Память Рогачёвского района».
- А Вы не знаете, что стало со всем имуществом этих евреев, которые остались жить в Журавичах, и потом их расстреляли?
- Их, которые... Которых не расстреливали?
- Нет, которых расстреливали. Потому что Вы сказали, что осталось около двухсот евреев, и что они были более зажиточными?
- Ну, по памяти так вот... Да, я их почти всех знал. Это ж одно село, понимаете, одна школа.

- Ну что случилось с их имуществом?
- А, с имуществом? Значить, ну, с имуществом, во-первых, имущество, конечно, отобрали. Немцы всё это взяли. Ну, видимо, хорошее имущество, не знаю, куда они девали. А то раздавали населению, населению раздавали.
- Немцы раздавали?
- А полицейские, вот эти гады, я извиняюсь, полицейские вот эти брали это имущество, и себе, там, и прочее. Они их везли, вот, только так в костюмах таких, понимаете, вот.
- Вы видели, когда раздавали населению?
- Ну, я знал, что вот эти ж полицейские мне потом рассказывали, я говорю: «Куда вы чего девали?», «А,» - говорит, - «раздали населению», понимаете.
- Полицейские сами рассказывали?
- Да. Да, да, да. А в основном, ну, ценные, может быть, какие-то там, видимо, золото какое-то немцы отобрали, а уже, там, там, одежду, обувь, понимаете, это уже полицейские уже управляли, понимаете. Там были заухозы всякие и полицейские всё это раздали населению. Да, себе побрали или...
- Вы помните имя или фамилию...
- Полицейских?
- Полицейского, да, который рассказывал Вам.
- Да, а, рассказывал? Значить, ну, Гонторв был полицейский, мы с ним вместе учились.
- Гонторов?
- Гонторов, значить, Михаил, Михаил, по-моему, Михаил Андреевич. Он в полиции, а потом пришёл к нам в партизаны, понимаете,

значить. Ну, свои там, понимаете, мы их знали всех, всех знали абсолютно.

- Скажите, пожалуйста, а тогда, вот, в те годы, кроме евреев, мирное население именно... Я понимаю, что с партизанами разговор особый был?
- Да.
- Но, именно мирные, белорусские, их убивали? Были случаи?
- Значить, очень даже много. Что Вы, не то, что убивали – вешали.
- Можете рассказать?
- Всех таких вот, как только узнали, что был комсомольцем – сразу «вешалка». В Журавичах была «вешалка» рассчитана где-то человек на 20. И там постоянно висели, вот, и комсомольцы, и коммунисты.
- Вы сами лично видели?
- Да, конечно.
- Сколько раз примерно Вы видели случаи с повешением?
- Ну, понимаете, в процессе оккупации постоянно кто-то висел, в процессе. Вот, Журавичский район был оккупирован 2 года, и обязательно на этих виселицах кого-то, значить, предатели подсказали: «Вот он, там, был комсомольцем, вот он - активный комсомолец, вот - коммунист». Немцы хватали, у их очень разведка такая была хорошо налажена, понимаете. Поэтому на этих виселицах они так и были, как постоянное место повешения людей.
- А Вы можете вспомнить кого-то из жертв?
- Повешенных?
- Да.
- Ну, вот, я помню, как только немцы пришли, повесили сразу колхозного бригадира, вот, я забыл, как фамилия. Вот, секретаря комсомольской делегации – Прихотенко, Прихотенко.

- Прихотенко?
- Того. Секретарь комсомольской организации был, райкома комсомола секретарь. Сразу схватили, повесили. Мать её, его родную повесили. Это сразу, буквально в первый день оккупации – 14 августа 41-го года. Вот, и постоянно, ну, вот я не взял с собой... Мы напали на эту комендатуру, наш отряд партизанский напали на комендатуру, они находились в школе. Каменная школа, сталинская школа. Они находились в школе. Вот, напали мы, значить, убили 15... Я вот зря не взял, у меня есть документ, немцы сами подтвердили, что вот они нас называли не «партизаны», немцы называли «бандиты». «Бандиты» напали на комендатуру, 15 немцев было убито, 11 – взяли в плен, ну, мы их в лес отвели, там тоже расстреляли, и погибло 17 полицейских, полиция была. Вот, наш отряд. «Бандиты» потеряли... Потеряли 2-х «бандитов», мы потеряли только 2-х. А вот 15 убили немцев, 15. 11 – взяли в плен, 17 полицейских – это всё было истреблено. Была хорошо продумана операция. Мы подобралась, к комендатуре, подобралась сначала, значить, часовых у нас же были такие разведчики, понимаете, часовых ножам сразу порезали, бесшумно сняли, Вот, они знали, куда бить, в спину или куда там, сразу чтоб. А потом подошли к казарме, забросали гранатами их, а потом ворвались туда уже автоматами достреливали этих немцев. Брали пистолеты, брали их оружие – и быстрее, на лошади, и быстрее в партизанскую зону.
- А Вам не известно, в те годы не убивали цыган?
- Цыган?
- Да.
- Знаете, как-то было это, между прочим... Ну, у Гитлера в плане, в приказах было истребить, значить, истребить славянские народы,

значить. Вот, уже в Беларуси было спланировано, сколько, кого убить.

- Ну, тогда разговоры не шли об этом? Люди не говорили, что вот где-то убивают?
- Цыган, да?
- Да.
- Ну, понимаете, тут у нас, в основном, в Гомеле вот тут были цыганы, но они скрывались. Цыганы хитрые, понимаете, цыганы были партизанские все злые. Они партизанам везли продовольствие, там, понимаете, и хлеба, и соли, и то, и другое. Вот здесь вот, в районе 3-ей школы, есть, в Гомеле здесь, тут были целые цыганские такие районы, на окраине они, тут луга были, у них лошади были. И сейчас тоже в Гомеле, не знаю, но думаю, где-то...много цыган есть, даже в школах они учатся. Вот, в моей 3-ей школе много цыган учились.
- А вы не видели никогда за те годы, когда поджигали деревни немцы или полицаи в каких-то...?
- Ну, значить, они много поджигали.
- Ну, Вы лично наблюдали, как бы, такие случаи?
- Ну конечно, что Вы. Они сожгли, вот, я Вам сейчас скажу, вот, в конце 42-го года, там у нас есть лесные сёла – Каменка ресковская, Каменка стрелковская,
- Это такие сёла?
- Прибор, Красница, Пахор – вот этих 6 шесть сёл они, ну, это уже в 43-м году, окружили, полностью 6 сёл сожгли.
- Как это? Одновременно?
- А?
- Одновременно? Сразу?

- Они окружили, этот целый мобильный батальон немецкий. Окружил вот этот район, вот, в частности, каждое село было окружено и началось сжигание, было всё... В Каменке было сожгли 157 живых людей. В дом прямо загоняли, ну, там, соломой, керосином, бензином, и потом поджигали и если убегали, то расстреливали сразу, вот таким образом.
- Просто я хочу понять, откуда Вы знаете про всё это: со слов других людей или Вы что-то лично видели?
- Ну, лично, это моя Родина, во-первых, во-вторых, я книгу не взял, есть книга «Память»,
- Нет, я понимаю...
- и в этой книге «Память» написано, вот: «они окружили 6 сёл, истребили с населением». И конкретно указано: Каменка Ресковская – 157 человек, Стрелковская, там – 75, другой, там – 80. В общей сложности – около четырёхсот людей сожгли.
- То есть, мы... Сомнения не в том, что, если это происходили или не происходило, просто интересно, что лично Вы наблюдали.
- Я зря... Не знал, если бы мне там, я с Вами поговорил, я бы привез книгу «Память», там пофамильно написано.
- Просто можно узнать, например, хоть что-то, как Вы наблюдали, потому что иногда...
- Я пофамильно тоже многие знаю семьи, допустим.
- Например, дым Вы видели или что-то такое?
- Мы потом, когда они уже шли, мы пришли – партизаны, мы ж хоронили, там же трупы лежали.
- Где?
- Прямо в сёлах, в домах трупы лежали згарэушыя.
- То есть Вы зашли в село?

- Ну, там же кости были. А?
- Вы зашли в село после того, как...
- Да, немцы сразу сбежали, потому что мы две бригады ринулись, понимаете, нас бы раньше... Но дело в том, что у них там, знаете, броневики, у них лёгкие танки, у них артиллерия, у них миномёты, ну, а у нас что – винтовочка одна, понимаете, мы же с ними не можем справиться. Когда они ушли, мы сразу всё перезахоронили в братские могилы - всё сделали.
- Ага, теперь понятнее мне. То есть, Вы вместе с партизанами зашли в те сёла после этой операции?
- После... Как они, немцы, сбежали, потому что мы туда направили 2 бригады, мы б им там дали б здорово, понимаете. Они сбежали, они вот совершили это варварство, зверство... Сразу убежали в Могилёв, Гомель, разбежались.
- И вот именно Вы в какое село, Вы вошли?
- Мы, Каменка Ресковская, 157... Было 100 где-то, около 100 домов, все сожгли, все, и даже и сарай и бани, лазни – всё, всё было сожжено, понимаете, всё, трупы только лежали, трупы лежали, сожжённые трупы, понимаете, вот таким образом.
- Вы в эти 2 деревни...
- Это такое зверство. А?
- Вы в эти 2 деревни именно вошли? Да? В Каменке...
- Мы объехали... Мы объехали все сёла, вот б сёл, которые они сожгли, мы все объехали, обошли, объехали и помогли захоронить, там, кое-кто сбежал, понимаете, люди же вернулись, там целые большие братские могилы там, обгоревшие кости, там... Страшно, жутко смотреть было. Зверство было страшное.

- Были ещё такие подобные случаи, которые Вы наблюдали, вот, потому что эти 6 сёл... Были ещё другие случаи, в которых, как, Вы видели последствия?
- Ну, безусловно, в Беларуси сожжено 657 сёл с населением. В Хатыни... У нас есть Хатынь, вот, не мешало бы Вам там съездить, Хатынь есть, Хатынь, там, село там где-то около 70-80-ти сёл с населением сожгли и там этот памятник сделан – Хатынь - понимаете, там, памятник такой – дед на руках держит... 657 сёл немцы сожгли с населением в Беларуси... Варварство, страшно, варварство, зверство, понимаете. Ну, они, вот, что они, значить, если партизан, не партизан, они партизан четвертовали, вот, ногу отрубят одну, руку вторую отрубят, потом ещё ногу, потом – руку, потом вот так отрубают. И вот за хребет по центру села вешают: «Смотрите, вот будете с партизанами, вот, всем такая будет участь», понимаете.
- Это где такой случай произошёл?
- Ну, это... Ну, вот, в той же Каменке, понимаете... Мы пришли, где-то человек 5 висели, крючками на столбах висели, понимаете, вот. Это у них уже такая тактика, понимаете.
- Ну, Вы там видели, что вот труп, он был, отрублены конечности?
- Да, да, они вот так, вот это остальное за ребро цепляли – на крючок, и вешали на дерево или специальный столб делали, такой, понимаете...
- И человек был полностью без конечностей – без рук и без ног?
- Да, да. Да-да-да, да.
- И обезглавлены?...
- Особенно, особенно, вот, если партизан, мы, к примеру, скажем, такого зверства не допускали. Ну, у баю, канешне, были наши потери, немцы, немцы погибали. Ну, мы этого не допускали, ни в коем. То

закапывали, да и всё. А они, зверство... они мучали. Мучали, вешали, даже вот за шею вешают, понимаете, вот таким образом. Зверство было страшное. Я Вам должен сказать, что, тут и немцы, а в последнее время – Гитлер – направил мадьяр, венгров, а они ещё хуже, чем немцы были, ещё более зверелые такие, понимаете, очень... Они, вот, немцы, с фронта их сняли, Гитлер, и дал им задание, вот, сражаться с партизанами. Более 50-ти дивизий регулярных сражались против белорусских партизан. Более 50-ти дивизий регулярных... Всё было охвачено, схвачено немцами, вот. Белорусские партизаны истребили более шестисот тысяч немцев, это более 60 регулярных дивизий, взорвали 13 727 эшалонау, а в каждом эшалоне – 15-20 вагонов, а в каждом вагоне – 15-20 тонн грузов – там и танки, артиллерия, пулемёты, миномёты, взрывчатка, мины, снаряды – всё это, значить... Мы приловчились, а немцы тоже были хитрые: они первых 2 вагона пускали пустых, с песком, пустых. Потом шёл паровоз, потом ещё 1-2 пустых, а уже, там, седьмой-восьмой - там взрывчатка, там снаряды, там всё, понимаете, дык мы, тоже партизаны, мы хитрые, у нас были такие диверсионные комардиры. Восьмой-девятый вагон... взрывную машинку – бах!, летит и вот так вот... А мы находились от взрыва метров 200-300 – и вот, волна такая. Ну, мы старалась, где-то окопы такие, по земле вот так вот, аж фуфайку срывает, понимаете, волна взрывная. С этого, с окопа, тебя выхватывает, и вот так крутит по этим кустам, вот таким образом, вот. Вот, значить, вот такой случай, как мы взрывали эшелон, рассказать?

- Вы знаете, пожалуй, мы остановимся здесь. Я хочу поблагодарить Вас.
- Спасибо.
- Большое спасибо Вам за рассказ.
- Спасибо и Вам тоже. Спасибо.

- У меня есть ещё несколько вопросов к Вам и если можно, я хочу задать их Вам.
- Пожалуйста.
- Скажите, пожалуйста, вот, Вы говорите, что пока гетто было у Вас там, в местечке...
- Да.
- Что эти евреи, которые остались, они довольно зажиточные были. Да?
- Да, большинство так были богатые... более
- Я, вот, хочу спросить, пока там гетто существовало, немцы не пытались, как-то ограбить или получить эти деньги с них, или то, что у них было, какие-то ценности?
- Да, безусловно, безусловно. Они дали команду – все ценности, золото – всё сдать, понимаете, дабы если у кого найдем – будет расстрел. Поэтому они добровольно, у кого что было золотое, всё они отдали, сложили, там, понимаете, вот таким образом. Потому что они сказали, если только обыщем и найдём – на месте расстреляем.
- Это Вам, про это кто-то рассказал Вам?
- Ну, это вот эти полицейские, они мои друзья были. Полицейские, там Гонторов, Асюлеу, понимаете, они, они присутствовали, так сказать, когда это немцы, вот, ограбляли всё это. Они дали команду, там переводчик был немецкий, переводчик дал команду: так и так, у кого есть ценности вот такие вот, как у вас, вот, на ушах.
- Серёжки.
- Там, и прочее, всё снять, всё сложить. Они всё сняли, всё сложили.
- Понятно.
- Ещё другой вопрос: про виселицы в Вашем селе, в Журавичах. Где находились эти виселицы?

- Висели... Виселицы находились в центре, в центре села. Там у нас был дом культуры, там была почта, магазин, сельсовет был – это такая площадь, как в каждом населённом пункте есть, где проводятся митинги, собрания, понимаете,
- И на этой площади...
- Прямо на этой площади, в центре этой площади столбы были, вот, на столбах были такие перекладины сверху, и были петли такие. Были скамейки, внизу скамейки. Вот, на скамейку он становится, ему петлю, сюда вот, значить, вешают, а потом скамейку эту откидывают они, падает и уже задыхается, и уже погибает.
- Ещё я хочу спросить Вас про эти машины, на которых вывозили евреев из гетто, как они выглядели?
- Ну, машины, немецкие машины такие небольшие, видимо, грузоподъёмностью, грузоподъёмностью где-то, может быть, тонны полторы, может, две, небольшие, но закрыты брезентом были, закрыты полностью брезентом.
- Там были какие-то окна или что-то?
- Нет, окон... Окна не помню, по-моему, ну, может быть, потому что они же и солдат своих перевозили, ну, окны какие-то были с пластмассы, с пластмассы окны, могли... были-были, по-моему, но полностью закрывались, зашторивались и с выхлопной трубы такая подымалась... такая резиновая труба, и прямо сюда, в этот, под этот зонт, под зонт. И этот ЦО газ, угарный газ прямо поступал, и они дышали, и...
- И Вы видели, как они вот эти, эту резиновую трубу, они вставляли внутри?
- Внутри этого тента этого, тента, тент такой. Внутри, туда.
- Было видно, что это труба?

- Видимо, не все ещё погибали, потому что некоторые были ещё живые.
- Ну, Вы помните, видели ли Вы, как они вставляли туда эту резиновую трубу?
- Нет, у них это было заранее подготовлено, заранее было подготовлено, заранее. Это у них всё было заранее подготовлено. 2 машины такие, машины. Туда где-то человек 10-12, может быть, так вот, небольшой такой грузовичок, 2 грузовичка таких.
- Как люди называли эту машину или эти машины?
- Ну, не знаю, вот, если, так сказать, вот я знаю американские такие, похожи, американские, «Шевроле» такие были, «Шевроле», как вот американские тоже с тентом, а вот немецкие, не знаю, какие там, может быть, какие-то «Мерседесы» какие-нибудь, понимаете.
- Ну, люди как-то прозвали их в народе или ничего не говорили?
- Ну, ведь это же было 2 дня всего лишь, понимаете.
- Понятно.
- Потом же все трубы эти убрали, убрали, понимаете. 2 дня. А потом они привели боевой порядок.
- И ещё, я хочу уточнить, вот после того, как их уже выгружали из машин и бросали уже в эти ямы...
- Выгружали, это даже я это наблюдал.
- С какого расстояния Вы наблюдали, когда их выгружали?
- Ну, шум был, крик, кричали: «Ооооой, ооой, ой », такой на весь лес шум был, страшный шум был. Так уже... Раздирающий такой шум такой, понимаете...
- А как далеко Вы находились?

- Ну, метров, там, 15, может быть, там, 10-15, там, мы за этими, за соснами так выглядывали, понимаете. Мы не показывались, потому что немцы могли открыть огонь, понимаете, мы рисковали. Ну, ну, хотели посмотреть, что же они делают.
- А этих жертв, они их раздевали, или они только одетыми их кидали в яму?
- Они, они, вот, верхнюю одежду они снимали там.
- Где, там?
- Ну, в этом, в месте расположения. В этом «Прогрессе», там, в панском доме, там раздевали, вот. А так, вот, в основном, они были...
- То есть, Вы видели, как их раздевали ещё до того, как загрузить?
- Да, их раздевали, и полицейские рассказывали, что, вот их раздевают. Одежду складывают там в одно место, потом полицейские всё это себе присваивали: отдавали, продавали, Бог их знает, куда это девали.
- Заставляли раздеваться, как, всех, или только часть людей, у которых получше вещи?
- Нет, ну, верхние костюмы они снимали, снимали, всех снимали.
- Все снимали?
- Всех снимали, всех.
- Только мужчины? Или женщины тоже должны были снять одежду?
- Да, ну, у женщин, так, наверно, юбки оставались, там, это, юбки оставались, кофточки, может, оставались. А там кого... Потому что уже ноябрь, уже прохладно было...
- А верхнюю одежду всю оставляли?
- Верхнюю - снимали, всё снимали.
- Я хочу сказать, ещё спросить. После того, как Вы совершили этот, ну, атаку, и говорили, что забрали нескольких немцев в лес и потом, как

бы, Вы их убили, немцев, да? Вот, Вы говорите, что, когда, там, атаквали с гранатами и стреляли и это всё...

- Ну да, да. Мы разгромили комендатуру, Журавичскую комендатуру.
- Да.
- Там были эсесовцы, там были такие, знаете, ярые фашисты.
- И каких-то немцев Вы забрали с собой, в лес?
- Нет, ну, мы взяли, там, где-то около 10-ти человек. Ну, красные, красному..., немцам прикрепили 2-х партизан, руки им назад заломали, завязали назад и вели их в лес, потому что надо было поменьше стрелять, потому что они вот-вот должно прибыть подкрепление с Быхова, с Рогачёва, поэтому, в основном, стрелялись, там, в помещении.
- Что с этими немцами...
- А?
- Что с этими немцами сделали потом Вы?
- Ну, мы только, те, которые в помещении, мы у них оружие забрали, пистолеты забрали, патроны забрали, ящики - всё это забрали – взрывчатку забрали. У нас были лошади, были повозки, всё это загрузили – и быстрее бегом-бегом-бегом в лес, в лес, в лес этих подальше отвезли от Журавич этих человек 10, немцев, там же их расстреляли, бросили, вот, и дальше, дальше в лес...
- То есть, Вы их расстреляли там, в лесу?
- Этих, вот... Вот, даже данные немецкие, немецкие данные не взял, что было убито 11 и 10 – взято в плен.
- Ага.
- Вот, и, там, 2 вроде, пропали без вести. Было расстрелено тоже прямо на месте 17 полицейских. Одного полицейского, начальника цюрмы, тоже отвели туда, в лес, там расстреляли.

- Ну, там было, когда вы на месте приехали или пришли, кто как, то Вы устроили что-то типа суда или просто расстреляли?
- Никакого суда, что Вы! Быстрее стреляли, быстрее бежать, что Вы. Какой там суд, фашисты, понимаете. Форма у них немецкая, правда. Кресты у них снимали. Там были комплекты одежды, много комплектов одежды, было где-то около сотни, около сотни комплектов одежды, парадной одежды, там всё это, это мы всё взяли. Потом один отряд одели в немецкую форму, и немцы не знали, где немцы, где партизаны и прочее, прочее, прочее. Они стреляли по немцам, а по партизанам уже... Ну, это когда надо было замаскироваться как-то, понимаете.
- Хорошо, спасибо большое. Здесь мы остановимся.
- Ну, приятно было, так сказать...
- Пообщаться. Спасибо Вам.
- Встреча, с Вами. Дай Бог, что если что-то какой-то, пользу принесёт ...
- Я хочу ещё раз вернуться к теме машины.
- Машины?
- И как она выглядела? Да, да. Потому что немножко необычный случай, и поэтому мы хотим получше понять.
- Понятно.
- Когда этих евреев, когда они их загоняли внутрь, это было через боковую часть или через заднюю часть?
- Нет, через..., с тыльной части, вот.
- Да, через тыльную часть.
- Вот машина, вот тут вот, они брезент подняли, так, тут какие-то они ступеньки они делали, по ступенькам туда заходили.
- Да, а потом брезент обратно этот...

- А потом брезент закрывали обратно, застёгвали кругом, понимаете, оттуда вырваться... потому что брезент всё это плотно, всё это на застёжках, понимаете, было.
- То есть, после того, как машина отъехала, она была полностью закрыта?
- Да, как только, они уже, так сказать, заселили, очередную группу, брезент плотно закрывался. Плотно закрывался.
- Сколько раз Вы видели, чтобы такие группы людей загонялись в эти машины?
- Ну, они, вот 6-го начали, 6-го ноября, 7-го, 8-го они уже закончили. Ну, в основном, 6-го начали, 7-го где-то они раза 4-5 так вот примерно таких вот рейсов сделали и 8-го, там, не знаю сколько, 2-3 рейса. В пределах двухсот человек машину они человек 12, там, 13...
- Вы видели каждый день? Или Вы...
- А?
- Вы их видели каждый день?
- Мы ходили из любопытства, мы знали, что идёт расстрел евреев, понимаете, расстрел, дык мы, ну, как, подростки уже, по 16, по 17, по 17 гадоу уже, знали, вот, уже слух прошёл, что расстреливают евреев. Расстреливают евреев. Ну, мы из любопытства и побежали, смотрели, понимаете...
- А потом Вы побежали обратно в гетто или нет?
- А потом, ну, мы так вот, ну, там близко, может быть, полтора-2 километра, они их выгрузили, там оставляют охрану. Обязательно немец там остаётся и 1-2 полицейских, потому мог кто-то, могли помочь, если б никого не было, дык мы б кого-то оттуда выхватили б, понимаете, обязательно. Вот поэтому они...

- После того, как выгрузили машину, и машина отправлялась обратно, Вы тоже побежали обратно?
- Ну, безусловно. У них 2 машины, в основном, вот одна, они посадили своих этих, понимаете, везут, там, возвращаются, это, значить, загружаются...
- А Вы? Вы тоже туда пошли?
- Ну, да нет, мы, так сказать, ну, тут раз посмотрели, потом там посмотрели, ну и, ну и уже по домам убегали, потому что тоже опасно.
- То есть, Вы не видели каждый день? Вы 1 день такой наблюдали?
- Нет, мы 2 дня были. Мы были 7-го, 6-го и 7-го ноября, а уже 8-го мы уже так, побоялись, понимаете.
- Вы 6-го и 7-го были возле ямы или возле гетто?
- Были, значить, там, где они их сажали, усаживались там, они где были и к яме были. Ну, к яме раз подошли, там, машины 2 подошло, значить, мы видим, что они их выбрасывают, выбрасывают, там, полицейские залезли и выбрасывали их, выталкивали туда. Некоторые кричали, здорово кричали, конечно, кричали: «Бандиты, фашисты...», кричали: «Бандиты, фашисты, вот, Армия вас убьёт, убьёт...». Крик был страшный. Лес аж, знаете, лес, а лес такой громкий, даже эхо по лесу проходило, эхо по лесу, вот.
- Спасибо.
- Всё, да?